

его назначеніе работника на большомъ заводѣ».

О, если это все такъ просто, почему же міръ человѣческій не представляетъ идеальнаго завода, гдѣ всѣ рабочіе такъ хорошо понимаютъ свои обязанности, или колледжа, гдѣ ученики старательны и послушны? И почему же одни изъ людей, которыхъ мудрость и сердце чтитъ Толстой, вдохновенно постигали дорогу человѣческаго призванія, а миллионы другихъ оставались глухи и темны? Хозяинъ и работникъ, заводъ и рабочій, путешественникъ и содержатель гостиницы—исчерпывають ли эти примѣры отношеній человѣка къ міру и его смыслу? На это самъ же Толстой всѣми страницами, въ которыхъ развивается сущность его ученія, отвѣчаетъ—нѣтъ,—раскрывая совершенно иные отношенія человѣка къ тому, что мыслитель называетъ сущность мира.

III.

«Я услыхалъ слова Христа и понялъ ихъ, и жизнь и смерть мнѣ перестали казаться зломъ, и вместо отчаянья я испыталъ счастье и радость жизни, ненарушимыя смертью».

Для того, чтобы жить, надо признать Бога, какъ смыслъ и цѣль, ибо съ нимъ все осмыслено, а безъ него все—безмыслица.